

ОПЫТ ПСИХОЭТОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОТИВНОГО ТЕКСТА В КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

*Литвинчук И. Н., аспирант кафедры методики преподавания
филологических дисциплин*

Проведенный автором психолингвистический эксперимент (Литвинчук, 1999) был направлен на выяснение прагматического эффекта воспринимаемых эмотивных текстов как в плане вербального, так и невербального поведения. В ходе дескриптивно-дистрибутивного анализа эмотивных текстов вербально-невербального уровня возник ряд методологических проблем, которые закономерно поставили задачу универсализации методов структурно-семантического анализа текстовых единиц обоих уровней.

Объединение в данном исследовании эмотивных текстов вербального и невербального поведения как пластов единого метатекста, основано на положении о том, что эти уровни знаковой организации в процессе коммуникации являются "внешними", эксплицированными, в отличие от физиологических и психологических процессов, связанными с ними. В пользу такого подхода свидетельствует и взаимообусловленность происхождения этих форм коммуникации в филогенезе: "...Знаки форм и поведения в динамике знакового функционирования... послужили базой для формирования языка, который на ранних стадиях развития был прямым продолжением сенсомоторных эмоциональных проявлений, а в гносеологическом аспекте является перекодированной внешней информацией в ее слиянии с информацией внутренней" (Левашов, 1994). Современные отрасли антропологии, в частности когнитивная психология и лингвистика, оперируют таким понятием языка, которое включает в себя все средства вербальной и невербальной коммуникации. Это, в терминологии А.Вежбицкой (1992), "метаязык", в синтактико-семантической системе которого возможны взаимные переходы, наложения, "трансляции" (Н.В.Вербенко, 1995). Обсуждая особенности таких взаимосвязанных процессов, как восприятие и порождение речи, Е.С.Кубрякова отмечает: "Теория двойного кодирования вносит коррективы в представления памяти как семантических сетей в том смысле, что их узлами могут равно оказаться как вербальные единицы (логогены), так и невербальные репрезентации (имагены)" (Кубрякова и др., 1996, 11).

Традиционно в психологии паттерны невербального поведения в разных каналах коммуникации (мимика, поза, жест/манипуляция) трактуются как "слова" (Масляев, 1998, с.257), с помощью которых осуществляется обратная связь в коммуникативной системе. В дальнейшем "жесты-слова" распределяются по группам (экстравертированные, интровертированные, амбивертированные, жесты сна) в зависимости от поведенческой семантики, "смысла". При этом "жесты" трактуются как целостная поведенческая реакция, включающая все коммуникативные каналы. Кроме термина "слово" в исследованиях по этологии широко употребляется термин "текст", но не выделяются и не определяются особенности необходимых в любой коммуникативно-грамматической системе "средних" уровней – словосочетания и

предложения, что представляется серьезной проблемой в процессе интерпретации семантико-синтаксического устройства постулируемого "метатекста". При анализе текста как высшего структурно-семантического уровня языка и речи и основной единицы синтаксиса (Золотова и др., 1998) необходимо опираться на понятийную базу именно синтаксического уровня, оперируя соответствующими терминами и привлекая соответствующую концептуальную базу. Поэтому представляется необоснованно упрощенным, достаточно искусственным переход непосредственно с лексического уровня, уровня "слов" невербальной речи к уровню текста невербального поведения, минуя уровень словосочетания и предложения как конструкторов любого текста. При подобном подходе создаются определенные семантико-синтаксические лакуны не только в свете теории "совмещенного", "двойного" метатекста, но и в тексте невербального поведения: неясно, каким образом соединяются "слова" в таком тексте, какова функция конкретных "слов".

В данной работе предпринята попытка выделить именно синтаксический уровень в текстах невербального поведения; теоретической базой для выдвижения "рабочей" гипотезы послужили принципы и методы когнитивной психологии и коммуникативной грамматики, в частности когнитивная, порождающая и процедурная семантика.

При выработке единого подхода к уровню "невербального предложения" основной задачей становится выделение прежде всего предиката как основного структурообразующего начала. Представляется, что семантическим субъектом в эмотивном метатексте является именно говорящий, т.е. человек, который произносит отдельные слова, связывающиеся, составляющие отдельные предложения, в свою очередь komponующие текст, и одновременно двигается, изменяя положение своего тела в пространстве, т.е. позу, жестикулирует, манипулирует предметами и т.д. В соответствии с семиотическими теориями каждый из вышеуказанных поведенческих паттернов вербального и невербального поведения несет в себе определенную смысловую нагрузку. Особенность эмотивного контекста и эмотивной семантики в целом заключается в том, что вне зависимости от того, выражает ли коммуникант эмоциональное отношение, оценку, выражает, называет собственную эмоцию или "чужую", эксплицирует субъективный эмоционально окрашенный взгляд на мир или претендует на объективное отражение "положения дел в действительности", – в любом случае доминантной, определяющей в семном наборе эмотивности будет именно характеристика говорящего субъекта, отражающая его мировоззренческие, социокультурные установки, интеллектуальные и, безусловно, устойчивые и ситуативные психологические характеристики. Таким образом, субъект предложения эмотивного метатекста в рамках диалогического экспериментального дискурса – это автор текстов вербального и невербального поведения.

Вопрос о "невербальном предикате" оказывается гораздо более сложным. В рамках коммуникативной грамматической парадигмы выделяются такие свойства предиката, как способность выражать основные, сущностные свойства, качества предмета речи, т.е. семантического субъекта. В целом субъект и предикат представляют пропозицию, т.е. "положение дел в объективной действительности". Предикатом может являться собственно название данного явления, выделение его как факта действительности, некой экзистенции в т.н. номинативных предложениях

(Ср.: Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. (Блок) или в текстах экспериментальных бесед: Страх. Везде и всюду – страх) (Литвинчук, 1999). Это может быть и эмоциональное состояние с процессуальным оттенком в агентивных глагольных ЭК, когда субъект-носитель состояния выступает как лицо, которое способно активно влиять на течение эмоционального процесса посредством волевых усилий (Ср.: Пора перестать бояться врачей!); это и выражение собственно эмоциональной оценки в адвербативных ЭК (Ср.: Это замечательно!) или в эксплицитно аффективных междометных ЭК (Ср.: Ах! Как мило!); это и вербализация относительно постоянной или ситуативной эмотивной характеристики субъекта (Ср.: Она счастлива; Он увлечен чтением) и т.д. Как видим, предикат как экспликатор "качества" положения дел в объективной действительности может быть выражен различными частями речи, что обусловлено как семантикой конкретной типовой эмотивной ситуации речепорождения, так и психологическими качествами языковой личности.

Особенность "невербального предложения" (НП), его отличие от предложения вербальной речи заключается прежде всего в виртуальности семантики членов такого предложения в плане соотношения их с предикативным и номинативным уровнями. Так, классическая грамматика русского языка закрепляет за словами определенных частей речи конкретные роли в структуре предложения, весьма часто накладывая на этот процесс жесткие ограничения: глаголы, например, могут выступать в предложении только на высшем, предикативном уровне, в то время как семантические рамки для предикативизации полного прилагательного традиционно сужаются. Основанием отнесения определенного слова того или иного языка к конкретной части речи является обобщенное значение, обладающее достаточно высокой степенью абстракции (грамматический предмет, признак, состояние, действие), выражающееся в собственно морфологических и словоизменительных морфологических категориях. Применительно к элементам-"словам" невербального языка провести их четкую морфологическую классификацию практически невозможно четко и однозначно, без "полутонов" и семантических переходов, выделить в их значении категориальные признаки "предметности" или "признаковости", превалирование семантики действия или состояния. Если подходить к интерпретации категориальных значений невербальных паттернов, "имагенов" с точки зрения механизмов их порождения, то окажется, что базой является именно активность: это "деятельность" попеременно-полосатой мускулатуры лица в процессе формирования мимических паттернов и опорно-двигательного аппарата во время смены позы или формирования жестовой динамики. Следует учитывать и различия в нейрофизиологических механизмах, обеспечивающих многоканальный способ репрезентации. Однако это вовсе не основание для трактовки всех элементов невербального поведения как "глаголов" на том только основании, что их функциональная этимология напрямую связана с сенсомоторным действием. В основание частеречной классификации должен быть положен, на наш взгляд, или критерий общности паттернов по обобщенно-семантическому наполнению, соотносительности со сходным классом референциальных сущностей предметного (феноменального) мира, что в семантическом пространстве эмотивности может трактоваться как эмоциональное отношение-оценка, эмоциональное действие-процесс, эмоциональный статус-состояние, эмоциональная картина-экзистенция; или критерий "канальной" отнесенности паттерна, где осно-

ванием дифференциации категориальных признаков может служить принцип доступности "чтения" смысла паттернов, организованных, представленных в рамках одного канала коммуникации. Действительно, наиболее доступным и привычным "экраном" для получения информации традиционно является именно лицо, что обусловлено, в свою очередь социально-культурными и биологическими, эволюционными причинами. Достаточно вспомнить градацию взгляда по социально-этической разрешающей способности (социальный, дружеский, интимный), когда на возможность визуальной "храбрости", т.е. допустимости объять взглядом определенный объем соматического пространства коммуниканта-собеседника, накладываются значительные ограничения как характером типовой ситуации общения, так и возрастными и полотипическими особенностями коммуникантов, их принадлежностью к различным социальным группам, культурным общностям. Психологические, нейро- и психолингвистические исследования, в той или иной степени затрагивающие проблему невербальных способов выражения эмоциональных состояний (Izard, 1977; Wierzbicka, 1992, 1996), отражают анализ данных, полученных в основном по каналу мимики. Представляется, что это не только дань традиции в русле классического подхода. С одной стороны, это может быть обусловлено сознательным выбором данной методики как наиболее "простой", достоверной, обладающей широкими прикладными возможностями и гибкостью в плане научно-популярного изложения. Действительно, возможность наблюдать наиболее доступное на "основном" экране, не отвлекаясь на "второстепенные детали" (поза, жест) значительно упрощает задачу перцептора не только в плане восприятия, но и в плане семантической интерпретации значений наблюдаемых паттернов и создает иллюзию "целостной картины". Роковую роль играет в этом процессе и многовековая традиция, эксплицируемая в фольклоре (Ср.: Прочитать на лице...; Глаза – зеркало души (не поза и не жест!)) и часто заложенная на уровне подсознания, когда основной, единственно достоверной, семантически необходимой и вполне достаточной считается именно "сказка лица". Столь высокое доверие к мимическим выражениям значений психического состояния может быть спровоцировано эффектом пространственной близости лица как "зеркала" информации наиболее важным средоточиям человеческих мыслей, чувств, настроений – уму, сердцу, душе. С другой стороны, канал мимики часто рассматривают в качестве более информативного как имеющего достаточно высокую степень динамики сменяемости, переходов паттернов в единицу времени, что, однако, не нашло подтверждения в результатах нашего эксперимента, где переходы по каналу позы превышают в среднем на 48% показатели по каналу мимики.

По степени доступности, возможностей семантической интерпретируемости информации, предоставляемой поведенческими паттернами, каналы позы и жеста значительно уступают мимике, хотя это не касается наиболее популярных и традиционно закрепленных в семантических глоссариях каждой культуры элементов, например, дружественной, веселой улыбки. В любом поведенческом контексте мы выделим и, как правило, интерпретируем жест одобрения, вариативный для разных культур (в русском этносе – кулак + большой палец вверх), и эксплицитную позу неодобрения ваших действий собеседником, избегания вас, отсутствия интереса к вам, утери актуальности, значимости вас как информанта (демонстрация спины). Однако большинство других позно-жестовых паттернов являются семантическим

"черным ящиком" для неспециалиста. Это одно является свидетельством уровневой и категориальной организации компонентов невербального поведения как динамического речевого процесса. Таким образом, необходимость разграничения каналов мимики, позы и жеста в наборе языковых единиц невербального поведения как "частей речи" представляется очевидной не только из соображений удобства методики семантической интерпретации их в контексте в соответствии с типовой ситуацией, т.е. в предложении-комплексе, но в связи с задачами создания более четкой, уровневой организации элементов системы "невербальное поведение". Основанием для разграничения частеречной принадлежности поведенческих паттернов является не квалификативное, качественное, количественное значения как соответственно, у существительного, прилагательного и числительного как морфологических категорий вербального языка.

Критерием разграничения частей невербальной речи можно считать репрезентационный канал, т.е. морфологическую форму, способ подачи, трансляции значения, в том числе и эмотивного. Поэтому оправдывает себя рассмотрение характеристик предикатов НП в собственных терминах невербального поведения: мимический, позный, жестовый предикаты. В случае актуализации на предикативном уровне словосочетания, состоящего из слов, представленных в невербальном тексте посредством разных каналов (мимика и жест и т.п.), речь идет о "совмещенном" предикате соответствующего качества. При этом следует учитывать, что не все элементы нового комплекса-предложения, например, тройного, в каждом из каналов которого репрезентируются по несколько паттернов, могут участвовать в организации "совмещенного" предиката, а лишь те, которые представляют семантическую значимость, актуализированы в соответствующей типовой ситуации речи наблюдателем, в частности, этологом. Набор остальных паттернов в каждом из каналов являются собой семантический фон, уточняют, конкретизируют смысл предиката, т.е. составляют состав НП номинативного уровня, являясь различными актантами.

Представляется, что явных уровневых ограничений для частей невербальной речи, т.е. поведенческих паттернов по каналам мимики, позы и жеста/манипуляции не существует. Так, в кинематографической рамке хронотопа "я – здесь – сейчас" предложением является весь тройной комплекс поведенческих реакций, графически фиксируемых при помощи этограммы. Выделение содержания определенного поведенческого канала как семантически значимого, "ведущего", главного, определяющего "положение дел", т.е. как предиката основывается, во-первых, на объективно-субъективной актуализации эмотивной семантики контекста наблюдателем (статистика помогает выделить информативность, а следовательно, и значимость, превалирование информативности канала у конкретного индивида и, соответственно, отдать прерогативу предикативности этому каналу). Теоретической базой для такого выделения может послужить гештальт-система "фигура-фон", рассматриваемая как наиболее простая форма перцептуальной организации (Лакофф, 1981; Langaker, 1987; Hilgard, Atkinson, 1967). В качестве фигуры-предиката на дифференцированном невербальном поле, т.е. одной из его частей, инвариантно четко выделяющейся посредством субъективной актуализации, выступает семантически значимый в данном контексте невербальный паттерн на семантическом фоне, создаваемом остальными паттернами. Таким образом предикат можно рассматривать как

паттерн, лежащий как бы немного впереди на основе фона, выпукло выдающийся вперед, воспринимаемый сиюминутно, синкретично, а остальные паттерны поведенческого комплекса – это фон, "непрерывный континуум за фигурой". Отметим, что как фигура, так и фон обладают контекстуальными взаимодополняющими значениями, поскольку участвуют в создании общего перформанса невербального высказывания, референтом которого является ситуативная "картина мира". Так, в экспериментальном материале этограмм в рамках первого предложения, т.е. первого поведенческого комплекса можно было выделить предикат НП именно при помощи данной методики. Здесь следует учитывать семантическое противопоставление фигуры и фона по нескольким дифференциальным перцептуальным признакам (Демьянков, 1992, 65): вещность, плотность – диффузность; определенность – слабая "пригонка" частей; меньшие размеры – большие размеры; расположение близко – далеко; вверху, впереди – внизу, сзади; более яркая очерченность – менее яркая; больший контраст – меньший контраст; значимость, "знакомость" – незначимость, "незнакомость". Таким образом, в НП-тройном комплексе, в котором представлены все три канала коммуникации, предикатом будет "слово" или "словосочетание", т.е. поведенческий паттерн одного канала или двух в единстве, которые выделяются по вышеуказанным признакам на общем фоне, которым может служить как одно невербальное слово, так и несколько. Определяющая роль в данном процессе отводится психосемантическим перцептуальным характеристикам, выделяемым читателем-наблюдателем метатекста с конкретной эмоционально-смысловой доминантой. Так, "плотность" и "яркость очерченности" как качественно-объемные характеристики понимаются как интенсивность проявлений эмотивной семантики в невербальном слове как члене НП, а размерность и расположение в пространстве психосемантического поля или шкалы, очевидно, определяет доступность эмотивной информации для декодирования по параметрам знака эмоции, ее модуса. Контрастивность семантики слова-паттерна либо упрощает процесс адекватного прочтения НП и метатекста грамотным, образованным читателем-перцептором, т.е. специалистом-этологом, либо может затруднять восприятие и интерпретацию семантики метатекста неподготовленным коммуникантом. Особое значение имеют факторы, связанные со степенью привычности, ознакомленности реципиента с репрезентируемыми "словами" НП, а следовательно, и степенью вовлеченности в пространство семантического поля. Трудности, возникающие в этом плане, могут быть связаны не только с вариативностью, избирательностью индивидуального подхода к интерпретации одного и того же "слова" разными коммуникантами, но и социокультурными особенностями-установками. Так, незнание специфики семантического трактования того или иного жеста в определенной культуре коммуникантом-представителем другой культуры может привести не просто к разночтению, двусмысленности, но и к возникновению трудно преодолимых коммуникативных барьеров.

Итак, в НП, представленном тремя уровнями, т.е. поведенческом комплексе, который составляют "слова" различных каналов-"частей" невербальной речи (Ср.: Поза – прямое, естественное положение головы и тела; жест – хлопанье в ладоши; мимика – веселая улыбка), предикатом будет "слово" или "словосочетание", которые актуализированы, наиболее значимы, несут более весомую семантическую нагрузку в контексте. В нашем примере это "словосочетание", представленное паттер-

нами каналов мимики и жеста, т.е. хлопанье в ладоши и веселая улыбка, эксплицирующие радость и удовольствие у ребенка, которому собираются купить мороженое. Однако в ситуации, когда у родителя вдруг не оказывается необходимой суммы для покупки любимому чаду долгожданного лакомства, мы можем наблюдать, "читать" в качестве реакции одинарный комплекс, т.е. изменение по каналу мимики: ребенок по инерции продолжает хлопать в ладоши, но мгновенно исчезает веселая улыбка, или же появляется "грозный" оскал. Предикатом в данном НП является именно исчезнувшая улыбка, т.е., в терминологии лингвистики, незамещенная синтаксическая позиция.

Вышеназванные положения основаны на нескольких уже вполне устоявшихся воззрениях в области когнитивной семантики, или концептуалистской теории значений (Langacker, 1987), в которой, например, принимается, что значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике описываемой ситуации. Здесь важная роль отводится выбору перспективы "концептуализатора" (Демьянков, 1994), ракурсу перцептуального объектива, направленного на ситуацию с целью ее запечатления, портретирования. Терминология, связанная с оптическими технологиями, не просто дань красивым метафорам. Как правило, с визуальной репрезентативной системой связана первичность "прочтения" человеком текстов реального, предметного, объективного, внешнего и квазиреального, феноменального, субъективного, внутреннего мира. Графическое исполнение записей текста может быть различным: эксплицитным и имплицитным, доступным восприятию, непосредственным и скрытым, опосредованным, материально воплощенным и идеально абстрактным (книги, картины, компьютерные программы, внутреннее состояние человека как "незаписанные" стихи и проза и, конечно, выражение лица человека, поза, мимика, жест). Предвзятость видения, прочтения конкретным субъектом восприятия "картины мира" связана с индивидуальной настройкой семантического фильтра как системы фоновых предположений, установок и психологических характеристик, а также с объемом, характером его "пропускной способности", т.е. степенью сложности когнитивного стиля. Таким образом, речь об объективном видении и отображении действительного "положения дел" может идти лишь условно: степень объективности может рассматриваться только как степень близости, семантического подобия "картин мира" коммуникантов – говорящего и слушающего, автора и реципиента.

Синтаксический анализ предложений-комплексов допустимо производить и в русле методики выявления особенностей актуального членения невербального предложения (НП), проявляющегося в динамике смены комплексов невербального поведения и анализе их семантико-синтаксического устройства: тема-фон – это все "старое", понятное, устоявшееся, известное, рема-фигура – это новое, привнесенное, актуальное. При этом с необходимостью должны учитываться зоны семантической интерференции и проекции во взаимоотношениях и взаимовлиянии между компонентами системы "фон – фигура", "тема – рема", "субъект – предикат". Так, одинарный комплекс-НП, т.е. изменения в поведении по одному каналу следует рассматривать как рематическое "новшество", как предикат нового предложения, контекстом для понимания которого служит семантический фон предыдущего НП. Кроме того, эмоциональное значение – это всегда новое, актуальное, это всегда ре-

ма, всегда предикат. Именно так, на наш взгляд, осуществляется семантико-синтаксическая связь между паттернами невербального поведения в рамках текста, что позволяет трактовать сущность сходства и различия между вербальным и невербальным уровнями метатекста в процессе речевой ретрансляционной деятельности.

Литература

1. Литвинчук И.Н. Психосемантический подход к исследованию синтаксической синонимии // Ученые записки СГУ. – № 10. – Симф.: Изд-во СГУ. – 1999. – С.61-66.
2. Левашов В.И. Введение в психосемиотику. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Птб.ун-та. – 1994. – 57 с.
3. Вежбицкая А. Русский язык // Язык. Культура. Познание. – М.: 1996. – 56-64 С
4. Вербенко Н.В. Вербально-невербальные трансляции психопатологических переживаний при шизофрении. Автореф. канд. дисс. – Харьков. – 1995. – 23 с.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ. – 1996. – 242 с.
6. Масляев О.И. Психология человека. – Д.: Сталкер. – 1998. – 416 с.
7. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: МГУ. – 1998. – 528 с.
8. Izard C. Human Emotions. – New York: Plenum Press. – 1977.
9. Wierzbicka A. Talking about emotions: Semantics, culture and cognition // Cognition and Emotion 6 (3/4). – 1992. – P.285-319.
10. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.10. – М.: 1981. – С.350-368.
11. Langaker R.W. Foundation of cognitive grammar. – Vol.1. Theoretical prerequisites. – Stanford. – 1987.
12. Hilgard E.R., Atkinson R.S. Introduction to psychology. – N.Y. – 1967.
13. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. – М.: 1994. – № 4. – С.17-33.